

бой за Азов, естественно, что и жанр его произведения был создан по образцу той формы письменного выражения внешнеполитических интересов Войска, которая была ему свойственна.

Войсковая отписка, таким образом, сама отличавшаяся полулитературным характером, послужила естественной ступенью на пути к художественному обобщению политических задач и нравственных идеалов казачества в этот наиболее напряженный для него и многое решавший момент азовской победы. Повесть наша явилась не искусственной стилизацией „под“ отписку вообще, не копированием подлинной отписки, привезенной Наумом Васильевым, но превращением данной формы в казачью эпопею об азовской осаде.

Возникновение в среде казачества воинской повести об Азове в виде войсковой отписки представляется нам столь же естественным и закономерным, как пародийное использование челобитной для осмеяния пьянствующих монахов Калязинского монастыря или такое же изображение в форме „списка судного дела“ тяжбы Ерша Ершовича с „большими“ рыбами в посадской среде Московского государства XVII в. И если пародийное использование формы челобитной или „судного дела“ несомненно усиливало сатирический эффект этих произведений в глазах читателя-современника, то аналогичное, хотя и иначе направленное, усиление впечатления от произведения должна была вызывать и форма отписки, узнававшаяся в повести об Азове.

Действительно, азовская победа произошла на далеком юге, за „Диким полем“, за теми „украинами“ Русского государства, которые оберегались „рыцарями“ Дона, „богатырями святорусскими“. Воспевая заслуженную ими славу, автор повести одновременно оповещал московского читателя об этих дальних событиях. Убедительность такого рассказа, построенного в виде будто бы подлинного документа — отписки, только что привезенной из Азова, от этого только выигрывала.

В обстановке горячего обсуждения азовской проблемы в Москве, в то время, когда среди москвичей в течение нескольких месяцев жили свидетели и участники легендарной победы казачества — атаман Наум Васильев с товарищами, форма войсковой отписки была наиболее эффективным жанром для автора повести. Такая форма повести сочетала в себе элементы документальности с поэтическим вымыслом и эмоционально напряженным, захватывающим рассказом как бы самих героев осады обо всем пережитом ими. Она не могла не содействовать возбуждению в читателях повести особого внимания к патриотическому подвигу казаков и сочувствия к их крайне тяжелому положению после осады.

Но, ориентируя повесть на московского читателя, автор не мог сохранить принятую им форму войсковой отписки во всех ее деталях. Войско Донское в своих отписках всегда адресовалось прямо к царю и включало в свой рассказ непосредственные к нему обращения („государь“). Так, например, во второй отписке после азовской осады, где казаки напоминают о своей просьбе принять Азов и прислать туда гарнизон „к роже-